

Национальный исследовательский университет
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Факультет социальных наук

Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения

Под редакцией В. В. Радаева

Научные доклады
факультета социальных наук
НИУ ВШЭ

Выпуск 1 (1)
2023

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2023

УДК 316.62
ББК 60.5
К16

<https://elibrary.ru/wknrcy>

Научные доклады
факультета социальных наук НИУ ВШЭ
Серия основана в 2023 г.

Редакционный совет серии:
д.филос.н. А.Ю. Мельвиль (председатель), д.филос.н. А.Г. Барабашев,
д.психол.н. С.К. Нартова-Бочавер, д.филос.н. Ю.М. Плюснин, к.соц.н. Д.И. Присяжнюк,
к.полит.н., PhD Д.К. Стукал, д.э.н. А.Ю. Чепуренко, к.психол.н. М.А. Чумакова

Научный доклад Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ

Подготовлен по результатам исследования, выполненного при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ
и факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Авторы:
д.э.н. В.В. Радаев (руководитель авторского коллектива), к.и.н. Д.Х. Ибрагимова,
к.соц.н. А.Д. Казун, к.соц.н. Т.С. Карабчук, В.А. Кондратенко, к.соц.н. З.В. Котельникова,
д.э.н. Л.Я. Косалс, к.э.н., PhD О.Е. Кузина, к.соц.н. А.А. Куракин, к.соц.н. Д.В. Моисеева,
С.Г. Пашков, Е.С. Пилипенко, А.А. Поплавская, к.э.н. Я.М. Рощина, к.соц.н. Д.О. Стребков

Под редакцией д.э.н. В.В. Радаева

Рецензент — д.э.н. Л.Н. Овчарова

Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения / В. В. Радаев (рук. авт. кол.), Д. Х. Ибрагимова, А. Д. Казун и др. ; под ред. В. В. Радаева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — (Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Вып. 1 (1) 2023). — 500 экз. — 122 с. — ISBN 978-5-7598-2756-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2839-6 (e-book).

Что предпринимали россияне, чтобы улучшить свое материальное положение в 2022 г.? От чего им приходилось отказываться? Как менялось их трудовое, финансовое и потребительское поведение? Как возникшие трудности сказались на физическом здоровье и психологическом состоянии людей? Чего они опасаются и в состоянии ли планировать свое будущее? На эти и многие другие вопросы отвечают авторы доклада Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, подготовленного на основе данных специального опроса российского населения, проведенного в октябре 2022 г.

Адресован социологам, экономистам, социальным психологам.

УДК 316.62
ББК 60.5

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2756-6

ISBN 978-5-7598-2756-6 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2839-6 (e-book)

© Авторы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Раздел I. Самооценки и опасения.....	10
Что происходит с материальным положением населения	10
Как меняется физическое и психологическое самочувствие россиян.....	14
Каких последствий кризиса россияне опасаются больше всего.....	19
Раздел II. Поведение и адаптация к кризису.....	26
Приспосабливаются ли россияне к новым условиям жизни	26
Какие реактивные и проактивные практики применяются.....	31
Сравнительные стратегии наемных и самозанятых работников	36
Как меняется финансовое поведение населения.....	49
Как складываются потребительские практики населения.....	64
Насколько распространены покупки поддельных товаров	71
Возрастает ли потребление аддиктивных веществ	77
Меняется ли потребление новостей.....	81
Как используются социальные сети и мессенджеры	87
Раздел III. Семья и планы на будущее.....	92
Как восприятие кризиса влияет на внутрисемейные отношения.....	92
Что происходит с репродуктивным поведением россиян	96
Есть ли у россиян долгосрочные планы.....	101
Выводы.....	105
Литература.....	113
Об авторах.....	119
Лаборатория экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ.....	121

Уважаемые читатели!

Социальные науки — это широкая и динамично развивающаяся область знания, охватывающая такие направления, как демография, государственное и муниципальное управление, политология, психология, социология. Несмотря на то что предметные поля, содержательные вопросы и теоретико-методологические подходы у названных направлений социальных наук могут существенно различаться, все они объединены общим фокусом на изучении сложного и многогранного бытия человека как представителя социума и совокупности разнообразных отношений и взаимодействий, возникающих в ходе общественной жизни. Это и вопросы о восприятии человеком окружающего мира, и представления о нормативном и фактическом устройстве общества и государства, и взаимодействия в рамках или вне рамок сложившихся общественных институтов, и даже кажущиеся порой импульсивными индивидуальные решения, стоящие за общими демографическими тенденциями. Уследить за современным состоянием научной дискуссии по всем названным выше вопросам, не говоря уже о бесчисленном множестве неназванных проблем, — задача трудно-выполнимая и требующая поистине энциклопедических знаний, столь редко встречающихся в современной науке в связи с ее высокой специализацией.

Не претендуя на создание энциклопедии современных социальных наук (это совершенно иной жанр!), мы приняли решение о создании серии Научных докладов факультета социальных наук Высшей школы экономики как публичной площадки, на которой ведущие специалисты нашего факультета могли бы поделиться с широкой аудиторией полученными ими свежими научными результатами, представленными в контексте современного состояния той или иной проблемной области социальных наук. У Научных докладов факультета социальных наук отсутствует жесткая предзаданная структура: некоторые из них будут посвящены презентации результатов одного крупного исследования, предлагающего одномоментный срез широкого круга вопросов; другие доклады представляют вниманию читателя обзор серии исследований, проведенных разными коллективами факультета. Объединяющей чертой Научных докладов факультета социальных наук будет опора на современную научную методологию, предлагающую обоснованные ответы на поставленные вопросы.

Открывает нашу серию научный доклад, подготовленный коллективом Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ под руководством д.э.н., профессора В.В. Радаева. Экономическая социология — одно из флагманских направлений факультета социальных наук, интегрирующее фундаментальное знание и прикладные исследования. Эта интегральность проявляется и в теме доклада: «Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения».

Уверен, что научные доклады нашей серии займут достойное место в библиотеке читателей и вскоре завоюют их любовь. Потому что современные социальные науки — это завораживающий поиск ответов на актуальные вопросы, затрагивающие всех и каждого.

Председатель редакционного совета
д.филос.н., профессор

А.Ю. Мельвиль

ВВЕДЕНИЕ

Периодически возникающие кризисы являются неотъемлемой частью социально-экономической жизни. Они ломают сложившиеся тренды и устойчивые отношения, разворачивают динамику макропоказателей и меняют повседневные практики населения. Эти кризисы имеют разные основания. Они могут вызываться внутренними причинами, связанными с резкими изменениями экономической политики, например проведением шоковой терапии в 1992 г., но чаще порождаются внешними причинами — глобальными шоками, оказывающими воздействие на национальную экономику, или решениями, лежащими вне пределов экономики.

После 1992 г. Россия пережила несколько экономических кризисов. Российский банковский кризис 1995 г. был вызван каскадом банкротств кредитных учреждений, спровоцированным в том числе ужесточением бюджетных ограничений со стороны Центрального банка РФ и возникшей паникой вкладчиков, стремившихся забрать свои вложения. Финансовый кризис 1998 г., ставший отголоском Азиатского кризиса 1996–1997 гг., выразился в дефолте по государственным казначейским обязательствам и последовавшей обвальной девальвации рубля (400%). Оба кризиса были связаны со значительным снижением валового внутреннего продукта (по 4–5% за год), резким падением реальных располагаемых доходов населения (доходов за вычетом обязательных платежей, скорректированных на инфляцию) — на 15% в 1995 г. и на 16% в 1998 г. (затем еще на 12% в 1999 г.), высоким уровнем безработицы (9 и 13% соответственно) и ситуацией, когда около четверти населения оказалась за чертой бедности. Но в обоих случаях за глубоким обвалом следовало относительно быстрое восстановление в течение года-двух, которое касалось и макроэкономических показателей, и повседневных практик населения, и, например, такого показателя, как индекс потребительских настроений.

За периодом удивительного благополучия 2000–2007 гг., когда среднегодовой прирост ВВП и реальных располагаемых доходов населения составлял 7 и 12% соответственно, последовал очередной кризис 2008–2009 гг. Он также стал частью глобального финансового кризиса, вызвавшего жесткий дефицит ликвидности в российской банковской системе. Этот кризис был относительно мягким для населения. При существенном сокращении в 2009 г. ВВП на 8% и розничного товарооборота на 5% влияние экономического спада на реальные располагаемые доходы населения было относительно умеренным — в 2008–2013 гг. их среднегодовой прирост притормаживает до 3–4%, но все же остается в плюсе. Девальвация рубля незначительна, а уровни безработицы и бедности значительно ниже, чем по итогам наиболее сурового кризиса 1998 г. (8 и 13% соответственно). И вновь относительно быстро, уже к 2010 г., происходит пусть и частичное, но восстановление положительной динамики ВВП, розничного товарооборота и индекса потребительских настроений.

Значительно более затяжной кризис начинается в 2014 г., когда вслед за падением цен на нефть происходит двукратная девальвация рубля, а присо-

единение Россией Крыма сопровождается первыми пакетами международных экономических санкций. В 2014–2016 гг. прирост ВВП спускается фактически до нуля и даже уходит в минус (2015 г.), прирост реальных располагаемых доходов населения также показывает минусовые значения (–2,7% в среднем за три года). Далее в 2017–2019 гг. наблюдаются признаки стабилизации, когда прирост физического объема ВВП держится на уровне 2–3%, а прирост реальных доходов близок к нулю, но все же с небольшой тенденцией к росту, и казалось, что мы оттолкнулись от дна. Но грянувшая пандемия COVID-19 в 2020 г. вновь роняет ключевые показатели — уровень и ВВП, и реальных доходов населения падает за год почти на 3%. Несколько обнадежил 2021 г., показавший, несмотря на продолжение пандемии, заметный прирост ВВП (+4,7%, по скорректированным данным — 5,6%) и реальных доходов населения (+3,1%). Но надежда жила недолго. С разворачиванием в 2022 г. специальной военной операции начали вводиться один за другим многочисленные пакеты все более ужесточаемых международных экономических санкций, из России стали уходить глобальные участники рынка, разрушались налаженные технологические и логистические связи, накатили волны эмиграции, касающиеся наиболее активных групп трудоспособного населения, которые лишь отчасти демпфируются переходом в режим удаленной работы. И по итогам 2022 г. произошло сокращение ВВП на 2,1% (падение ВВП в третьем квартале, когда проводился наш опрос, составило 3,7% в годовом выражении). На фоне ускорившейся инфляции возобновилось падение реальных располагаемых доходов населения. Согласно данным Росстата, по итогам первого и второго кварталов 2022 г. они снизились на 1,2 и 0,8% соответственно, а в третьем квартале падение ускорилось до 3,4% по сравнению с тем же периодом прошлого года. И едва ли падение будет краткосрочным, хотя при этом сообщается о постепенном сокращении в 2022 г. доли бедного населения, преимущественно за счет роста объема социальных выплат.

Таким образом, большинство постсоветских экономических кризисов имело финансовую природу, за которой, в свою очередь, скрывались накопленные структурные диспропорции. В середине 2010-х годов к ним добавились геополитические факторы, а в начале 2020-х — глобальные эпидемиологические шоки. Ситуация стала более сложной.

Влиянию внешних шоков на жизненные стандарты населения в разных странах посвящена многочисленная литература [Alonso et al., 2015; Bono et al., 2016; Monseni-Cheraghrou, 2016; Whelan et al., 2016], фокусирующаяся в том числе на посткоммунистической России [Lokshin, Ravallion, 2000; Ekström et al., 2003; Lokshin, Yemtsov, 2004; Notten, de Crombrughe, 2012]. Но практики совладания с кризисом по-прежнему изучены недостаточно. Еще меньше мы понимаем, в какой мере они зависят от типа кризисов [Koos, 2017; Monseni-Cheraghrou, 2016], тем более от того особенного, во многом беспрецедентного кризиса, с которым мы столкнулись сегодня.

При классификации шоковых воздействий принято выделять, с одной стороны, транзитные (краткосрочные) кризисы, которые могут сопрягаться с весьма жесткими падениями, но за которыми обычно следует относительно быстрое восстановление с возвратом к прежним трендам, а с другой — перманентные (долгосрочные) кризисы, которые могут быть более сглаженными, но в то же время более продолжительными и оказывающими более сильное влияние на тренды, вплоть до их разворачивания вспять [Stillman, 2001]. Как мы показали ранее, большинство известных нам постсоветских кризисов (1995, 1998 и 2008 гг.) были транзитными. И только начавшиеся в 1992 г. экономические реформы породили, скорее, перманентный кризис с долгосрочными и фундаментальными последствиями для всего социально-экономического устройства страны. Нынешний кризис, начавшийся в 2014 г., явно относится ко второму типу. Его особенности заключаются в затяжном характере (с возможными внутренними флуктуациями) и более сложной комбинации причин — экономических, эпидемиологических,

геополитических. Он представляет собой серию внешних (по отношению к экономике) шоков, которые начались почти десятилетие назад и наслаиваются друг на друга, порождая сложные кумулятивные эффекты, часть которых проявляется в краткосрочном периоде, а другая часть имеет отложенный и, по всей видимости, долгосрочный характер, который на данный момент оценить затруднительно.

В представленной работе мы концентрируемся на адаптивных и проактивных реакциях населения к событиям 2022 г., но следует учитывать, что ему предшествовал непростой семилетний рецессивный период и текущие реакции не просто отделить от более сложных кумулятивных эффектов. Необходимо понять, насколько быстрыми и насколько глубокими являются шоковые воздействия на материальное благосостояние населения, уровень и характер занятости, практики финансового и потребительского поведения, репродуктивные и общие жизненные планы; насколько эти шоки отражаются на психологическом состоянии людей; какие группы (возрастные, образовательные, доходные) оказываются в наиболее уязвимом положении. По многим важным вопросам в отсутствие полной ясности сталкиваются разные точки зрения. Например, одни исследователи считают, что экономические кризисы бьют в первую очередь по менее обеспеченным и наименее квалифицированным слоям населения [Ferreira et al., 1999; Halac, Schmukler, 2004; Whelan et al., 2016; Dufour, Orhangazi, 2014]. Другие придерживаются противоположного взгляда, утверждая, что в большей степени страдают группы с более высокими статусами, которым есть что терять [McKenzie, 2003], и что кризисы производят временные выравнивающие эффекты, снижающие неравенство между группами с высоким и низким уровнями дохода [Lokshin, Ravallion, 2000; Kotelnikova, Radaev, 2017].

Мы исходим из того, что население не просто пассивно адаптируется к происходящим изменениям, но вырабатывает специфические практики совладания (coping) с внешними шоками. Здесь тоже возникает множество непростых вопросов: пытаются ли домохозяйства, несмотря на снижение текущих доходов, сохранять привычный стиль жизни, в том числе путем поиска дополнительных заработков или расходования сбережений; в какой степени работают механизмы сглаживания (smoothing), препятствующие трансляции изменений текущих доходов в изменение потребления. Экономисты давно объясняют подобное сглаживание посредством гипотезы перманентного дохода [Friedman, 1957; Hall, Mishkin, 1982], а социологи — через влияние устойчивых потребительских привычек [Skoufias, 2003; Zurawicki, Braidot, 2005], но в любом случае мы нуждаемся в надежных эмпирических свидетельствах. Имеют ли домохозяйства возможности для откладывания средств, например, на черный день, а если имеют, то откладывают ли? Какими способами они приспособливают свои практики потребления — экономят и ищут более дешевые варианты, осуществляют рекомпозицию потребительских расходов или частичное замещение привычных продуктов и услуг? Приходится ли им отказываться от сложившихся повседневных практик в силу растущей ограниченности имеющихся ресурсов или по причине пропажи из магазинов привычных товаров? Просматриваются ли какие-то модели (паттерны) поведения, например упрощение практик в период возрастающей неопределенности [Shama, 1981], и как они дифференцируются по основным группам населения?

Выявлению типологических характеристик воздействия разных российских кризисов на потребительские практики населения ранее была посвящена специальная работа Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ (ЛЭСИ), построенная на национальных опросных данных RLMS–HSE [Kotelnikova, Radaev, 2017]. В этом исследовании на основе анализа последствий четырех российских кризисов постсоветского периода было выявлено несколько общих паттернов. В годы всех рассмотренных кризисов вслед за снижением текущих доходов сокращались потребительские расходы на все основные категории товаров и услуг, за некоторыми исключениями в отношении низкодходных групп, которым уже нечего было со-

кращать. В целом домохозяйства демонстрировали крайне ограниченные возможности в части сглаживания собственного потребления в условиях внешних шоков¹. Более активно использовалось перераспределение ресурсов между разными статьями. Расходы на продукты питания всегда ожидаемо сокращались в меньшей степени, чем расходы на непродовольственные товары и услуги, в соответствии с классическим законом Энгеля [McKenzie, 2003]. Еще меньше сокращения затрагивали продовольственные товары первой необходимости и обязательные платежи. В части услуг больше всего страдали расходы на культурные продукты и развлечения и куда в меньшей степени — на медицинские услуги. И в целом происходило заметное упрощение структуры потребления. При этом, по опросным данным, в ходе всех кризисов наблюдалось некоторое сокращение неравенства по доходам, в основном за счет высокодоходных групп. Вместе с тем выравнивание потребительских расходов не выглядело универсальной тенденцией, но проявлялось в ряде важных случаев, когда наблюдалось более существенное сокращение этих расходов в высокодоходных группах, которые проигрывали относительно больше, чем низкодоходные [Kotelnikova, Radaev, 2017]. Таким образом, кризисы производили временные сдерживающие («дисциплинирующие») эффекты в отношении потребительского поведения [Alonso et al., 2015]. В какой степени эти паттерны сохранились в ходе текущего кризиса, еще предстоит выяснить.

Предлагаемая вашему вниманию новая работа ЛЭСИ НИУ ВШЭ посвящена оперативному анализу текущих событий и обобщает первые итоги исследования, полученные на основе данных специального опроса российского населения. Опрос проводился Исследовательской группой ЦИРКОН в октябре 2022 г. Данные собирались посредством очного формализованного интервью по месту жительства респондентов. Средняя длительность интервью составила 27 мин. Для достижения репрезентативности применялась случайная маршрутная выборка. Дизайн выборки был многоступенчатым: на первой ступени отбирались территориально-административные единицы, на второй производился отбор начальных адресов маршрутов опроса, на третьей предполагался отбор домохозяйств на маршруте, а на четвертой ступени интервьюеры рекрутировали респондентов среди членов домохозяйств в соответствии с квотными заданиями. Средняя доля отказов от участия среди респондентов из числа тех, кто был приглашен к участию в опросе (количество установленных контактов — около 9 тыс. человек), составила примерно 72%. Самые высокие доли отказа наблюдались в столичных городах — Москве и Санкт-Петербурге (90 и 86% соответственно), а также в Республике Башкортостан (91%); самый низкий уровень отказов зафиксирован в Брянской (36%) и Вологодской (39%) областях.

По итогам чистки и ремонта выборки в финальный массив данных было включено 2 тыс. анкет. Данные опроса репрезентируют взрослое население России (18 лет и старше) по таким параметрам, как пол, возраст, тип населенного пункта и география. Структура выборочной совокупности соответствует структуре населения Российской Федерации согласно официальной статистике Росстата «Распределение населения Российской Федерации по полу и возрасту по муниципальным образованиям» на 1 января 2022 г. Погрешность выборочной совокупности не превышает 3,5%.

В процессе анализа в фокусе нашего внимания находится множество вопросов, характеризующих изменение текущего положения россиян и практики, с помощью которых они пытаются совладать с возникающими трудностями. Среди этих вопросов упомянем следующие:

¹ Некоторые предшествующие исследования указывали на способность российских домохозяйств сгладить около 50% шока дохода. При этом возможности такого сглаживания были ниже для сельских жителей и имевших более низкие доходы [Мамедли, Синяков, 2018].

- что произошло в течение 2022 г. с материальным положением семей опрашиваемых россиян; какие меры люди предпринимали, чтобы улучшить материальное положение своих семей; от чего им приходится отказываться и что они пытаются сохранить, несмотря на возникшие трудности;
- насколько часто людям приходилось терять работу или менять место работы; пытались ли они искать дополнительные заработки, организовать собственное предприятие или становиться самозанятым; насколько распространены сегодня практики работы в удаленном режиме; в какой степени люди вовлечены в использование современных цифровых технологий;
- как меняется финансовое поведение населения; изменилось ли отношение к денежным сбережениям; выросли ли задолженности по разного рода кредитам, появились ли просрочки по обязательным платежам;
- что изменилось в потребительском поведении сограждан, приходилось ли им увеличивать или сокращать потребление тех или иных товаров и услуг, а также отказываться от чего-то полностью; как потребители относятся к распространению поддельных товаров в условиях ухода из России многих глобальных брендов;
- как возникшие трудности сказались на физическом здоровье и эмоциональном состоянии людей, прибегали ли они к психологической помощи и приему успокоительных медицинских препаратов; изменилось ли в условиях нарастающего стресса их отношение к потреблению алкоголя и курению;
- как отразились геополитические события 2022 г. на жизненной ситуации людей, их отношениях с членами семьи и друзьями, планах относительно рождения детей; что ожидают наши соотечественники от будущего, в состоянии ли они его как-то планировать.

В данном исследовании мы попытаемся кратко ответить на поставленные вопросы. Речь идет о самых первых выводах, полученных с «рабочего стола» на основе свежих эмпирических данных. Более глубокие исследования по отдельным наиболее важным вопросам планируются нами на ближайшее будущее. Мы осознаем ограничения опросных подходов к измерению кризисных явлений, построенных на прямой операционализации [Рогозин, 2015]. Но, надеемся, нам удалось уловить множество важных закономерностей.

Структура работы выглядит следующим образом. Первый раздел исследования («Самооценки и опасения») посвящен тому, как респонденты оценивают материальное положение своей семьи и состояние собственного здоровья (физического и психологического), а также чего они опасаются в первую очередь в связи с текущими кризисными событиями. Во втором, самом большом разделе («Поведение и адаптация к кризису») анализируются разнообразные практики поведения, с помощью которых население пытается справиться с возникающими трудностями. Прежде всего речь идет о трудовых, предпринимательских, финансовых и потребительских практиках. Наконец в третьем разделе («Семья и планы на будущее») мы обращаемся к внутрисемейным отношениям, репродуктивному поведению и общим планам людей на перспективу.

Исследование выполнено Лабораторией экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Мы благодарим И.В. Задорина и коллег из Исследовательской группы ЦИРКОН за помощь в подготовке и проведении исследования.